

УДК 321.01

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЗАПАДА В РОССИЙСКОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АКТОРЫ И СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ*

Дубровская Татьяна Викторовна,

Пензенский государственный университет,
заведующая кафедрой «Английский язык»,
доктор филологических наук, доцент,
Пенза, Россия,
E-mail: gynergy74@gmail.com

Аннотация

Исследуя внешнеполитические практики с точки зрения социального конструкционизма, автор выявляет дискурсивные механизмы конструирования Запада и отношений между Россией и Западом. На материале речей Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова показано, что Запад и межнациональные отношения являются категориями нестабильными и зависимыми от стратегических установок говорящего.

Ключевые понятия:

внешнеполитический дискурс, Россия, Запад, актор, стратегия.

Введение

Если говорить о принципиальных конструктах российского внешнеполитического дискурса, то в их числе видное место занимает конструкт Запад. Ссылки на Запад встречаются практически во всех важных заявлениях представителей отечественного МИД, а научная отечественная и зарубежная литература по философии, политологии и международным отношениям нередко оперирует категорией Запад, в том числе в контексте противопоставления её Советскому Союзу и России [9; 10; 11; 12 и др.]. Популярность апелляций к Западу в кон-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №15-34-14001 «Политический, юридический и масс-медийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации».

тексте отечественной внешнеполитической жизни даёт нам основание полагать, что эта категория заслуживает внимательного изучения. Взаимоотношения между Россией и Западом представляются частью межнациональных отношений Российской Федерации на уровне внешнеполитических институциональных практик. Однако особенность этих отношений состоит в том, что категория Запад не имеет чёткой и однозначной референции. Это не конкретное государство или политический актор, а собирательный конструкт, дискурсивный феномен, смысл и аксиологическая нагрузка которого конструируются посредством языковых ресурсов в политическом дискурсе.

В данной статье мы фокусируем внимание на дискурсивных механизмах конструирования категории Запад в контексте взаимосвязи Запада и РФ. В частности, мы ставим **задачи**: 1) выявить политических акторов, которых охватывает этот конструкт; 2) определить аксиологическую нагрузку, которую конструкт Запад приобретает в дискурсе; 3) выделить и описать прагматические стратегии, задействованные в конструировании Запада.

Категория Запад исследуется **на материале** выступлений разных жанров, принадлежащих представителям руководства Министерства иностранных дел Российской Федерации, в том числе и главным образом Министру иностранных дел РФ Сергею Викторовичу Лаврову (2014, 2016–2017 гг.). Принципом отбора материала для включения в анализируемый корпус являлось наличие в текстах эксплицитных ссылок на Запад и его взаимоотношения с Россией. Общее количество рассмотренных для данного исследования выступлений – 11, но в списке материалов мы приводим только процитированные в статье тексты. Тексты выступлений извлечены из архива официального сайта МИД РФ (www.mid.ru), и далее цитируются в строгом соответствии с оригиналом.

Проведенное исследование **методически** базируется на теории репрезентации социальных акторов Т. ван Лёвена [14] и прагматической категории дискурсивной стратегии в толковании, принятом в критическом дискурс-анализе. Дискурсивная стратегия понимается как «более или менее намеренный план практик, включая дискурсивные практики, принятый для достижения конкретной социальной, политической, психологической или лингвистической цели» [11, с. 94] (Перевод с англ. здесь и далее мой. – Т.Д.).

1. «Запад» как зонтичный термин

Отвечая на вопрос о составе политических акторов, включаемых в дискурсивный конструкт Запад, можно сказать, что он имеет неопределенный и разнородный состав, т. е. комбинация акторов, принадлежащих к группе, варьируется. Существует три основных употребления категории Запад с разным смысловым наполнением.

Во-первых, категория Запад применяется в дискурсе как самоочевидная, не требующая разъяснений относительно того, каких акторов она охватывает:

(1) К сожалению, наше искреннее стремление наладить широкое партнерство (а мы действительно искренне стремились к этому), наше желание сделать его подлинно стратегическим не получило должной поддержки со стороны государств Запада. Не буду обобщать, кое-кто был готов пойти на встречу, но блоковая солидарность, дисциплинированная позиция «все или

никто» в итоге заставила наших **западных партнеров** отреагировать отрицательно и остаться на позиции мышления категориями «свой» – «чужой» [5].

В приведенном примере критические замечания министра направлены на коллективного актора, выраженного номинациями *государства Запада, кто, западные партнеры*, которые не получают толкования. Очевидно лишь, что Запад – это собирательный и неоднородный актор, охватывающий несколько стран, которые находятся в разных отношениях с РФ (*не буду обобщать*). Взаимоотношения РФ и Запада представлены как построенные на противоположных намерениях сторон: в то время как Россия получает положительно-оценочные репрезентации актора, стремящегося к партнерству, Запад репрезентируется как актор негибкий и неготовый к сотрудничеству. Некоторая амбивалентность такой репрезентации Запада состоит в том, что при очевидной отрицательной оценочности высказывания по сути отсутствует объект обвинения: коллективные и диффузные номинации позволяют избежать откровенных речевых атак.

Во-вторых, Запад фигурирует как эквивалент Европы и Евросоюза, включая страны-члены ЕС, его различные институты и организации, а также отдельных акторов, имеющих официальные полномочия представлять интересы ЕС:

(2) *Прежде всего, хотел бы выразить признательность Генеральному секретарю Совета Европы Т. Ягланду и австрийскому председательству за усилия по подготовке сегодняшнего заседания Комитета министров. Вынесенная на дискуссию тема была сформулирована как «Ценности Совета Европы и стабильность в Европе: современные вызовы».*

Обсудили ситуацию на континенте, который переживает весьма непродолжительный период. Не в последнюю очередь это связано с тем, что накопилось множество проблем в связи с неготовностью наших западных партнеров в течение многих лет на практике реализовывать провозглашенный когда-то принцип неделимости безопасности – когда никто не обеспечивает свою безопасность за счет безопасности других [2].

Форма множественного числа *партнеры* указывает на сложный состав категории Запад, которая оказывается ассоциирована с Европой как в географическом, так и в политическом смысле. Географические границы Запада дискурсивно определены обстоятельством места *на континенте*, хотя фактически Европа представляет собой только одну часть континента Евразия. Акторы, образующие Запад как политическую категорию, разнородны и многочисленны (выделены в тексте жирным шрифтом).

Репрезентация Запада как исключительно европейского конструкта также неоднозначна. К примеру, в контексте российско-европейских отношений неоднократно упоминается НАТО, хотя этот коллективный актор помимо европейских стран включает США и Канаду:

(3) *Как вы знаете, – об этом недавно много говорилось, – заверения о том, что НАТО не будет расширяться на Восток, остались пустыми словами. В рамках программы «Восточное партнерство» предпринимались попытки повлечь страны постсоветского пространства перед искусственным выбором «с нами или против нас», что опять-таки означало логику «игры с нулевым результатом» [5].*

Упоминания НАТО свидетельствуют о том, что Запад выходит за рамки географических и политических границ Европы и охватывает неевропейских

акторов. НАТО представлен как элемент, объединяющий Европу и США в более общего актора, с которым Россия выстраивает отношения.

Третий тип репрезентаций Запада построен на эксплицитном указании на тесную связь между Европой и США, которые дискурсивно объединены в группу и которым приписываются похожие качества (повестка, цели):

(4) На Украине назревали противоречия. Для нас очевидно, что они были активно использованы нашими западными партнерами в Евросоюзе и США для продвижения своей повестки дня, своих односторонних целей, забывая об интересах всего украинского народа. Мы это не скрываем и честно говорим с нашими американскими и европейскими коллегами [2].

В приведенном примере объединение Европы и США в единую категорию Запад происходит за счет применения синтаксической конструкции с общей частью (*западными партнерами где? – в Евросоюзе и США*) и использования двух определений для одного существительного (*американскими и европейскими коллегами*).

2. Стратегии конструирования Запада: аксиологический аспект

Свойства внешнеполитического дискурса как локуса борьбы за влияние на международной арене, а также принципиальные политические противоречия между Россией и Западом предопределяют идеологически заряженные репрезентации Запада в российском внешнеполитическом дискурсе. В основном репрезентации Запада имеют отрицательно-оценочный характер, однако в ряде контекстов Запад получает положительные оценки. Далее мы продемонстрируем, с какими прагматическими ситуациями связана отрицательная и положительная аксиологическая нагрузка рассматриваемой категории, и какие дискурсивные стратегии формируют эту нагрузку. В число этих стратегий мы включаем следующие: стратегия оценки, стратегия эмоционализации и стратегия прогноза.

Стратегия оценки состоит в обвинении, приписывании объекту оценки (в нашем случае – политическому актору) заведомо отрицательных или положительных качеств или действий, а также выражение осуждения или одобрения по поводу этих качеств или действий. Оценочная деятельность в принципе заложена в человеческой природе. Философ А. С. Хоцей отмечает: «...Ориентация в среде представляет собой в немалой своей части оценочную деятельность; добыча ответа на вопрос ‘что делать?’ тоже связана не с чем иным, как с оценкой ситуации и возможностей индивида. Мозг сплошь и рядом занимается разного рода оценками <...> Оценивать что-либо – значит некоторым образом сопоставлять это ‘что-либо’ с чем-то другим, вынося по результатам данного сопоставления какой-то вердикт (собственно оценку). Любая оценочная деятельность по своей сути (по характеру процедуры) есть некое сопоставление плюс заключение по его итогам» [8].

Реализация оценочной деятельности базируется, по нашему мнению, на нескольких взаимосвязанных принципах:

1) Актор, выступающий автором отрицательной оценки, полагает, что его социальный статус и компетенция позволяют ему выступать с оценочными заявлениями.

2) Необходима общая система координат, система ценностей и договоренностей между акторами, для того чтобы их действия могли оцениваться по каким-то более или менее универсальным критериям. Такая система координат создаётся социальными нормами. «Основными социальными нормами, регулирующими международные отношения, принято считать нормы моральные, политические и правовые» [6, с. 102]. В то же время С.А. Ланцов отмечает и разногласия, касающиеся применимости морально-этических критериев к политической деятельности. Из трёх типов социальных норм только правовые нормы влекут за собой официальные санкции.

3) Существование в межнациональных отношениях юридически закреплённых и незакреплённых норм способствует формированию оценок на разных основаниях: опирающихся на факты, либо на морально-этические установки автора оценки.

Суть **стратегии эмоционализации** состоит в том, чтобы выразить положительные или отрицательные эмоции, вызванные действиями и качествами другого политического актора, объекта репрезентации. Т. ван Дейк пишет о важности эмоционального аспекта в СМИ: «Факты лучше представлены и лучше запоминаются, если они связаны с сильными эмоциями или вызывают таковые» [16, с. 85]. Полагаем, это утверждение актуально не только для СМИ, но и в целом для публичного дискурса. Внешнеполитический дискурс, имеющий в качестве опосредованной аудитории широкую непрофессиональную аудиторию и транслируемый медийными средствами, также нередко задействует стратегию эмоционализации. Некоторые аспекты репрезентации эмоционализации в контексте межнациональных отношений обсуждались нами ранее [13]. Далее мы обсудим специфику интерпретации эмоционализации во внешнеполитическом дискурсе.

Третья из выделенных стратегий, **стратегия прогноза**, состоит в прогнозировании событий, действий и их последствий, связанных с каким-либо политическим актором. Такое прогнозирование строится на фактической ситуации, но может содержать и манипулятивные элементы, конструирующие ситуацию, исходя из стратегических интересов говорящего.

Перечисленные стратегии существуют в двух аксиологически противоположных вариантах: с отрицательной и положительной направленностью.

2.1. Отрицательно-оценочные стратегии

Стратегия отрицательной оценки охватывает осуждение и обвинение, которые в речевых высказываниях часто выступают как смысловое и функциональное единство. Прагматические и языковые характеристики осуждений и обвинений в разных сферах функционирования языка мы подробно обсуждали в другой работе [1]. Отметим только, что применительно к дискурсу межнациональных отношений обвинение в большей мере соотносится с оценкой на основе юридических норм, тогда как осуждение реализуется на основе морально-этических категорий.

Следующий фрагмент выступления С.В. Лаврова представляется очень показательным образцом стратегии отрицательной оценки, направленной на политику Евросоюза по отношению к России:

(5) *Что касается политики Евросоюза в отношении России, я не думаю, что найдется кто-нибудь из серьезных политиков, кто назовет ее конструктивной. Причем, это проявлялось задолго до того, что называют украинским кризисом. В течение многих лет наши партнеры в Брюсселе отказывались завершать работу над новым базовым соглашением, требуя, чтобы мы взяли на себя дополнительные односторонние уступки по сравнению с пакетом, который был согласован между Россией и Евросоюзом при вступлении нашей страны в ВТО. По большому счету это не только неконструктивно, но и нечестно. Мы восемнадцать лет договаривались с Евросоюзом об одном, а как только договорились, от нас тотчас стали требовать еще большего. По абсолютно надуманным причинам были сорваны договоренности о скорейшем переходе к безвизовому режиму и даже по дополнительным облегчениям существующего визового режима. Хотя все необходимые согласования были сделаны [4].*

Аргументативная логика высказывания построена на осуждении действий Евросоюза как неконструктивных, несправедливых и подкреплении этой оценки ссылками на фактические нарушения уже достигнутых предварительных договоренностей с Россией и безосновательность политики Запада (*отказывались завершать, по надуманным причинам, сорваны договоренности*). С точки зрения языковой реализации, осуждение маркировано метатекстовой конструкцией *я не думаю*, что придаёт ему субъективное звучание. Однако упоминание *серьёзных политиков* помещает Россию в сферу серьёзных и ответственных акторов, противопоставляя их Западу.

При обсуждении стратегии **отрицательной эмоционализации** надо понимать, что внешнеполитический дискурс – это институциональный тип дискурса. В нём приписывание эмоций коллективному политическому актору, стране, может носить исключительно условный характер. Как следует из определения, «коллективные эмоции – это разделяемые членами социальных групп переживания, имеющие значение как на уровне индивидуальной психики, так и на уровне группы или нации (макрогруппы)» [7, с. 312]. Вряд ли можно утверждать, что эмоциональное отношение к политическим процессам, ссылки на которое мы встречаем во внешнеполитическом дискурсе, разделяют все представители группы (нации, страны). Выражение определенных эмоций в дискурсе обусловлено стратегическими интересами государства, выразителем которых и является его официальный представитель – в нашем материале это представитель МИД. Кроме того, категория эмоции во внешнеполитической сфере не существует в отрыве от рациональных аргументов, которыми она подкрепляется.

Стратегия эмоционализации реализуется преимущественно на уровне лексических средств. Самыми распространенными ссылками на эмоции, актуализирующими отношение России к Западу, представляются метатекстовые единицы *к сожалению, сожалеем*, которые сопровождаются указаниями на причину таких эмоций:

(6) *Но, к сожалению, наши западные партнеры пока не созрели для того, чтобы согласиться на равноправное участие Юго-Востока Украины в национальном диалоге [2].*

Наряду со ссылками на коллективные эмоции, излагаемыми от коллективного «мы», встречаются также описания личных эмоций говорящего. Такая персонализация эмоции вводит во внешнеполитический дискурс элементы межличностной коммуникации со специфической для внешнеполитических практик целью. В примере (7) личный опыт обращения министра к западным СМИ служит подтверждением их необъективности:

(7) *Мы сильно озабочены происходящим на Украине – там каждый день гибнут люди, все больше страдают гражданские лица, мирное население, против которого продолжают использовать армию, боевую авиацию, тяжелое вооружение, по жилым кварталам ведется огонь. Все это можно наблюдать в прямом эфире. К сожалению, большинство западных СМИ данные сведения замалчивают и показывают другие картинки. Сегодня я с изумлением просмотрел несколько выпусков «Евро Ньюз», в которых по ситуации на Украине вообще не было сказано ни слова!* [3].

Отрицательный прогноз часто реализуется в утверждениях о возможных негативных последствиях действий Запада, в частности – изоляции России от остального мира. Высказывания, содержащие прогноз, всегда имеют семантику будущего, что выражено соответствующими грамматическими формами будущего времени:

(8) *Мы последовательно исходим из того, что без объединения потенциалов всех государств обеспечить Европе, включая Евросоюз, достойное место в новой полицентричной системе мироустройства **вряд ли получится**. Кстати, история не раз наглядно демонстрировала, что попытки изолировать Россию неизменно приводили к тяжелым последствиям для всего континента...* [5].

Сочетание грамматических форм будущего времени с репрезентациями потенциальных неудач и потерь для мирового сообщества образуют стратегию негативного прогноза. Видим, что стратегия прогноза построена на рациональных аргументах, обращении к историческому опыту.

2.2. Положительно-оценочные стратегии

Приведенные стратегии репрезентации Запада могут принимать и положительный аксиологический заряд. Это происходит, когда коллективный актер Запад дискурсивно расформировывается, и объектом репрезентации становится отдельный актер в составе более общей категории Запад. В этих репрезентациях нередко задействованы стратегии положительной оценки, положительной эмоционализации и положительного прогноза. Положительно оцениваемые качества и действия могут приписываться как отдельным организациям, международным институтам, обеспечивающим успешное функционирование международных отношений, так и конкретным странам. Так, в качестве примера стратегии **положительной оценки** можно привести следующий фрагмент выступления С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам министерской сессии Комитета министров Совета Европы в Вене:

(9) *Совет Европы – **перспективная** и **единственная общеевропейская Организация, опирающаяся на универсальные общеевропейские конвенции, которые накладывают на государства юридические обязательства**. Именно*

такой подход обеспечивается за счет **равноправия всех государств**, входящих в Совет Европы, и должен применяться и далее, чтобы в Европе не появлялись новые разделительные линии [2].

Положительная репрезентация Совета Европы, его важность для международных отношений конструируются указаниями на общие юридические обязательства и ценности, разделяемые политическими акторами. Лексика с положительной коннотацией (*перспективная, равноправие*) приписывает Совету Европы положительные свойства и свидетельствует об одобрении со стороны России.

Положительные оценки характерны для выступлений в контексте двусторонних встреч между лидерами внешнеполитических ведомств государств. Таков пример из речи С.В. Лаврова, произнесенной на совместной пресс-конференции после переговоров министров иностранных дел России и Финляндии. Выступление конструирует Финляндию не только как часть Запада, но прежде всего как доброго соседа и стратегического партнера России:

(10) Отношения с Финляндией имеют для нас самоценное значение. Их характеристика – это, в первую очередь, добрососедство во всех его измерениях, а по целому ряду направлений, таких как торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество, мы вышли на уровень стратегического партнерства. Нам не хотелось бы, чтобы на эти взаимовыгодные отношения оказывали влияние какие-то привнесенные политические факторы, как это происходит в контексте общей политики Евросоюза в связи с кризисом на Украине [4].

Для репрезентации отношений России с Финляндией использован целый ряд номинаций с положительной семантикой (*добрососедство, сотрудничество, партнёрство*) и эпитетов (*самоценное, стратегического, взаимовыгодные*). Положительные оценки в адрес Финляндии сглаживают противоречия, существующие в российско-финских отношениях в более широком общеевропейском контексте.

Стратегия положительной эмоционализации реализуется во внешнеполитическом дискурсе достаточно широким и разнообразным спектром маркеров: *поблагодарить, радуется, отменно, отмечаю наше удовлетворение* и др.:

(11) Хотел бы поблагодарить наших хозяев и лично Министра иностранных дел Финляндии Э. Туомиойю за гостеприимство и продуктивный разговор. Традиционно поддерживаем наш диалог на очень хорошем уровне... [4].

Важно, что в данном и подобном ему контекстах присутствуют индикаторы взаимности положительных переживаний. В примере (11) это качество *гостеприимство*, приписываемое финской стороне, а также словосочетание *наш диалог*, которое дискурсивно объединяет Россию и Финляндию в одну группу.

Сразу два маркера положительных эмоций, а также эксплицитное указание на положительную тональность российско-немецких отношений видим в другом примере:

(12) Отменно, что возобновил работу Форум общественности «Петербургский диалог», эта важнейшая площадка в деле углубления контактов по линии народной дипломатии. Отмечаю наше удовлетворение тем, что попытки изменить нацеленность этого формата на продвижение отношений в позитивном ключе, превратить его в некое подобие отношений между учителем и учеником были мудро отставлены в сторону [5].

Как и стратегии отрицательной репрезентации, стратегии положительной репрезентации переплетаются в живой речи. Стратегия положительной оценки в комбинации с **положительным прогнозом** обнаруживается в примере (13):

(13) Что касается места Финляндии в российской внешней политике, то Финляндия для нас очень добрый и близкий сосед, и мы друг друга за многие годы и десятилетия никогда не подводили. Уверен, так будет и в будущем [4].

Возможны и другие варианты комбинаций положительно-оценочных стратегий.

Заключение

Проведенный анализ российского внешнеполитического дискурса позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, Запад как феномен внешнеполитических практик существует не как объективная сущность, а как социальный конструкт, который получает разнообразные и неоднозначные репрезентации в зависимости от меняющегося политического контекста, прагматических факторов и стратегических целей говорящего. Запад конструируется как социальный актор, в состав которого входят множественные и разнородные акторы, включая государства, организации и отдельные личности. Запад не имеет определенных географических границ и охватывает Европу и США в их противопоставлении России. Как социально конструируемая категория Запад постоянно формируется и расформируется в дискурсе.

Западу и акторам, входящим в его состав, приписываются положительные и отрицательные свойства, для чего применяются стратегии отрицательной и положительной репрезентации, включая стратегии оценки, эмоционализации и прогноза. Запад как единый актор чаще получает отрицательные репрезентации со стороны российского министра, и отношения между Россией и Западом конструируются как противостояние по многим принципиальным вопросам. В то же время в контексте двусторонних отношений с Россией отдельные акторы в составе Запада нередко конструируются посредством положительных стратегий, причем репрезентации содержат индикаторы взаимной доброжелательности и диалога в межнациональных отношениях. Выступающий от имени политического актора-государства маневрирует в условиях внешнеполитической коммуникации, расставляя акценты таким образом, чтобы обосновывать и легитимировать свои действия в случае необходимости или, наоборот, создавать положительные репрезентации взаимоотношений с другими акторами, сглаживая противоречия в двусторонних отношениях с Россией. Варьирующий состав категории Запад позволяет исключать определенных акторов из группы, а значит – лишать их отрицательной аксиологической нагрузки.

В более широкой перспективе социального конструкционизма исследование позволяет сделать вывод о гибкости и нестабильности Запада и межнациональных отношений как социально конструируемых категорий, которые не могут рассматриваться как устойчивая и неизменная структура. Наши наблюдения и выводы перекликаются с утверждением А. Вендта: «Агенты и структуры по сути сами являются процессами, или, иными словами, ‘реализациями’ практик» [17, с. 313]. Гибкость внешнеполитического дискурса заключается не столько в соблюдении акторами политеза, сколько в изменчивости создавае-

мых дискурсивных конструктов, меняющихся в зависимости от стратегических установок говорящего.

1. Дубровская Т.В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. – 272 с.

2. Лавров 6.05.2014 – Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам министерской сессии Комитета министров Совета Европы, Вена. http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/61730.

3. Лавров 2.06.2014 – Вступительное слово и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел и сотрудничества Мавритании А.У. Тегеди, Москва. http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/57414.

4. Лавров 9.06.2014 – Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Финляндской Республики Э. Туомиойей, Турку. http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/56710.

5. Лавров 8.11.2016 – Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на открытии конференции «Потсдамские встречи», Москва. http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2514850.

6. Ланцов С.А. Мораль, право и политика как регуляторы международных отношений: теоретические концепции и внешнеполитическая практика // Политекс. – 2005. – Вып. 3. – С. 105–113.

7. Тихомирова С.В. Эмоции коллективного субъекта // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна. Под редакцией К.А. Абульхановой. Москва, 2011. С. 308–319. URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/minisajty_tihomirova3.html.

8. Хоцей А.С. Оценки и ценности // [Электронный ресурс]. URL: <http://library-of-materialist.ru/appreciations.htm>.

9. Читати Д. Европа не есть Запад: интересы, ценности и идентичность в европейской традиции // Перспективы. Электронный журнал. – 2016. – № 3. – С. 75–85.

10. Шемякин Я.Г. Дискурс взаимодействия и взаимодействие дискурсов: Россия – Латинская Америка – Запад // Общественные науки и современность. – 2011. – № 3. – С. 79–96.

11. Яковлев П.П. Россия и Латинская Америка на фоне западных санкций // Перспективы. Электронный журнал. – 2015. – № 2. – С. 82–97.

12. Bonnett A. The idea of the West. Culture, politics and history. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004. – 201 p.

13. Dubrovskaya T., Kozhemyakin E. Media construction of Russia's international relations: specifics of representations // Critical Discourse Studies. – 2017. – Vol. 14. – Issue 1. – P. 90–107.

14. Leeuwen T. van. The representation of social actors // Texts and Practices:

Readings in Critical Discourse Analysis. Ed. Carmen. R. Caldas-Coulthard et al. – London: Routledge, 2003. – P. 32–70.

15. Reisigl M., Wodak R. The discourse-historical approach // *Methods of Critical Discourse Analysis*. Ed. Ruth Wodak et al. – London: Sage Publications, 2009. – P. 87–121.

16. Van Dijk T.A. *News as discourse*. – Hove and London: Lawrence Erlbaum, 1988. – 200 p.

17. Wendt A. *Social theory of international politics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 433 p.

References

1. Dubrovskaya T.V. Rechevye zhanry «osuzhdenie» i «obvinenie» v russkoj i anglijskoj lingvokul'turax. – Penza: Izd-vo PGU, 2014. – 272 s.

2. Lavrov 6.05.2014 – Vystuplenie i otvety na voprosy SMI Ministra inostrannyx del Rossii S.V. Lavrova v xode press-konferencii po itogam ministerskoj sessii Komiteta ministrov Soveta Evropy, Vena. http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/61730.

3. Lavrov 2.06.2014 – Vstupitel'noe slovo i otvety na voprosy SMI Ministra inostrannyx del Rossii S.V. Lavrova na sovmestnoj press-konferencii po itogam peregovorov s Ministrom inostrannyx del i sotrudnichestva Mavritanii A.U. Tegedi, Moskva. http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/57414.

4. Lavrov 9.06.2014 – Vystuplenie i otvety na voprosy SMI Ministra inostrannyx del Rossijskoj Federacii S.V. Lavrova na sovmestnoj press-konferencii po itogam peregovorov s Ministrom inostrannyx del Finlyandskoj Respubliki E'. Tuomioje, Turku. http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/56710.

5. Lavrov 8.11.2016 – Vystuplenie Ministra inostrannyx del Rossii S.V. Lavrova na otkrytii konferencii «Potsdamskie vstrechi», Moskva. http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2514850.

6. Lancov S.A. Moral', pravo i politika kak regulatory mezhdunarodnyx otnoshenij: teoreticheskie koncepcii i vshnepoliticheskaya praktika // *Politeks*. – 2005. – Vyp. 3. – S. 105–113.

7. Tixomirova S.V. E'mocii kollektivnogo sub"ekta // *Filosofsko-psixologicheskoe nasledie S.L. Rubinshtejna*. Pod redakciej K.A. Abul'xanovoj. Moskva, 2011. S. 308–319. URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/minisajty_tihomirova3.html.

8. Xocej A.S. Ocenki i cennosti // [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://library-of-materialist.ru/appreciations.htm>.

9. Chitati D. Evropa ne est' Zapad: interesy, cennosti i identichnost' v evropejskoj tradicii // *Perspektivy. E'lektronnyj zhurnal*. – 2016. – № 3. – S. 75–85.

10. Shemyakin Ya.G. Diskurs vzaimodejstviya i vzaimodejstvie diskursov: Rossiya – Latinskaya Amerika – Zapad // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. – 2011. – № 3. – S. 79–96.

11. Yakovlev P.P. Rossiya i Latinskaya Amerika na fone zapadnyx sankcij //

Perspektivy. E'lektronnyj zhurnal. – 2015. – № 2. – S. 82–97.

12. Bonnett A. The idea of the West. Culture, politics and history. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004. – 201 p.

13. Dubrovskaya T., Kozhemyakin E. Media construction of Russia's international relations: specifics of representations // Critical Discourse Studies. – 2017. – Vol. 14. – Issue 1. – P. 90–107.

14. Leeuwen T. van. The representation of social actors // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis. Ed. Carmen. R. Caldas-Coulthard et al. – London: Routledge, 2003. – P. 32–70.

15. Reisigl M., Wodak R. The discourse-historical approach // Methods of Critical Discourse Analysis. Ed. Ruth Wodak et al. – London: Sage Publications, 2009. – P. 87–121.

16. Van Dijk T.A. News as discourse. – Hove and London: Lawrence Erlbaum, 1988. – 200 p.

17. Wendt A. Social theory of international politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 433 p.

UDC 321.01

CONSTRUCTING THE WEST IN RUSSIAN FOREIGN POLICY DISCOURSE: POLITICAL ACTORS AND STRATEGIES OF REPRESENTATIONS

Dubrovskaya Tatiana Viktorovna,

Penza State University,
head of the English language department,
Doctor of Philology,
Penza, Russia,
E-mail: gynergy74@gmail.com

Annotation

Drawing on social constructionism, the author reveals discursive mechanisms that are used to construct the West and its relationship with Russia. The study explores speeches by Russian Foreign Minister Sergey Lavrov and claims that the West and international relations turn out to be unstable categories that are contingent on strategic purposes of the speaker.

Key concepts:

foreign policy discourse, Russia, the West, actor, strategy.
